

УДК 316.334.52
DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.2
EDN: UJBPNG

Научная статья

ТИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

Ксения Эльдаровна Гусейнова¹
Валентина Александровна Шилова²

^{1,2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

¹ likседar@mail.ru,

ORCID 0000-0002-7957-7317

² vshilova@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-8899-2707

Для цитирования: Гусейнова К. Э., Шилова В. А. Типы организации коммуникативного пространства управления в условиях реализации национальных проектов: региональный разрез // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 4. С. 23–45. DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.2. EDN UJBPNG.

Аннотация. Данная статья продолжает серию исследований, посвящённых изучению организации коммуникативного пространства в управлении регионами. Эффективность реализации тех или иных управленческих решений может зависеть от множества факторов, в том числе от качественно выстроенного диалога между заинтересованными субъектами социального управления, представляющими интересы различных категорий граждан. В статье представлены результаты поискового исследования, посвящённого выделению типов организации коммуникативного пространства управления в условиях реализации национальных проектов в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации. Основная задача заключалась в определении уровней конструктивного (сбалансированного) и деструктивного (рассогласованного) взаимодействия между субъектами трёх уровней – управленческого, ресурсного и базисного. Вторичная концептуализация данных массового опроса населения (n = 6021) и экспертного онлайн-опроса, проведённых в 12 регионах Российской Федерации, выявила типовые признаки организованной коммуникации между конкретными субъектами в каждой из исследуемых областей. Валидность данных экспертного онлайн-опроса, помимо прочего, подтверждается наличием у экспертов опыта управленческой практики, высшего образования и профессиональной компетентности. Авторами были изучены отношения между субъектами управления (региональными органами власти, местным самоуправлением, бизнес-сообществами, общественными организациями, научными организациями и населением) в каждом регионе. Путём оценки сходств и различий коммуникативных связей были сконструированы типы организации коммуникативного пространства управления регионом: 1) сбалансированный конструктивный,

© Гусейнова К. Э., 2024

© Шилова В. А., 2024

2) с элементами рассогласования, 3) несогласованный (разбалансированный, деструктивный). В ходе анализа было выявлено, что оценка взаимодействия субъектов управления связана с оценкой стиля управления в регионе; согласие представителей экспертного сообщества с управленческим стилем органов власти региона связано с оценкой характера конструктивности отношений региональных органов власти и населения.

Ключевые слова: региональное управление, коммуникативное пространство управления, региональные сходства и различия, национальные проекты

Введение

Изучение феномена организации коммуникативного пространства в различных регионах России является одной из приоритетных тем, разрабатываемых в рамках общего исследования Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН на протяжении нескольких лет. Социологический анализ таких процессов даёт возможность современным учёным качественно оценить эффективность принятых управленческих решений. Однако не менее важной задачей, по мнению авторов статьи, является изучение процессов, способствующих организации диалога между заинтересованными участниками на стадии разработки и реализации государственных программ стратегического типа, таких как: Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации и Национальные проекты (далее – НП).

В научной литературе термин «коммуникативное пространство» принято рассматривать как частный случай пространства социального (Г. Зиммель, П. Сорокин, П. Бурдьё и др.). Свой коммуникативный аспект социальное пространство приобретает тогда, когда его участники вступают во взаимодействие друг с другом. Таким образом, коммуникация выступает средством управления различными процессами в обществе и успех её целиком и полностью зависит от построения диалога и адекватной интерпретации каждым из участников [1].

Коммуникативное пространство формируется в тех случаях, когда возникает диалог на любом из уровней социальной жизни общества. При этом участие в нём, согласно теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, опосредовано конкретной целью, а именно – достижением консенсуса путём интеграции, взаимного согласия [2], координации действий на уровне норм, знаний, оценок и чувств [3]. В этом состоит одно из главных отличий группы животных от человеческого общества, в котором помимо конкуренции существуют такие понятия, как коммуникация и консенсус [4].

С другой стороны, коммуникативное пространство управления можно рассматривать как локальные коммуникативные связи в публичном пространстве регионов, сформировавшиеся между субъектами власти, а также между властью и обществом [5]. Например, И. А. Халий утверждала, что органы власти, не заинтересованные и не вступающие в коммуникацию друг с другом, тем более не заинтересованы вступать в контакт с местными сообществами,

следовательно, большая часть коммуникаций в публичном поле – лишь имитация. Таким образом, отсутствие диалога может привести к ряду негативных социальных последствий, например – снижению качества комплексной социально-диагностической работы (что особенно важно при проведении социальной экспертизы) и потере коммуникативной культуры [6].

Приведённые термины подробно описаны в работах Т. М. Дридзе, её последователей и учеников в рамках ситуационного анализа и социально-прогнозного проектирования. Основу её концепции «социально ориентированного управления» [7], означающей ««мягкую» социальную технологию вмешательства науки в процесс выработки и реализации управленческих решений, в которых равноценно «задействованы» все заинтересованные стороны» [6, с. 85], составляет «диалогическое коммуникативное пространство» [8, с. 3]. В таком пространстве осуществляется вертикальное и горизонтальное взаимодействие участников. Эффективность их диалога, в первую очередь, зависит от того, насколько успешно или неуспешно коммуникация, организованная между субъектами социального взаимодействия, справляется с нивелированием разного рода барьеров, в том числе «искусственно объективируемых» [9, с. 16], приводящих к социальному напряжению. Включение в диалог всех заинтересованных сторон на каждом этапе разработки того или иного стратегического проекта минимизирует возможные негативные последствия от его реализации.

Методологическая и эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составили данные массового опроса населения и экспертного онлайн-опроса должностных лиц и представителей профессиональных групп, проведённых в 2019–2021 гг. в 12 регионах России в рамках реализации проекта «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года».

Опросы проводились в Республике Башкортостан, Республике Калмыкия, Белгородской области, Московской области, Республике Саха (Якутия), Амурской области, Брянской области, Вологодской области, Нижегородской области, Омской области, Смоленской области, Свердловской области.

Для экспертного онлайн-опроса были отобраны респонденты, имеющие опыт управленческой практики и участвующие в разработке стратегических документов. В результате было собрано 609 экспертных анкет, валидность которых подкрепляется высоким уровнем профессионально-управленческих компетенций экспертов, которые проверялись в ходе исследования. В число профессионально-управленческих характеристик компетентности экспертов входили: умение давать развёрнутые ответы на открытые вопросы, практика частого обращения к интернету для решения ежедневных задач, информированность, уровень образования и характер профессиональной деятельности. Географическая принадлежность экспертов соответствовала двенадцати

отобранными регионам. Статус экспертов подразумевал либо руководящую должность в организации (предприятии), либо занятость в качестве специалиста в определённой сфере. Из 609 экспертов 78 % имели статус руководителя с высоким уровнем должностной ответственности; 22 % позиционировали себя как специалисты-практики; 44 % отметили, что имеют опыт управлением организацией или фирмой; 35 % имеют управленческий опыт в органах региональной власти; 22 % имеют опыт работы в качестве начальников отделов, цехов, бригад в производственной и непроизводственной региональных сферах. Все эксперты имели высшее образование, 26 % – учёную степень кандидата или доктора наук, 41 % экспертов относились к бюджетной сфере, к некоммерческому сектору – 15 %, к производственному – 25 %, к предпринимательской среде – 9 %; 66 % экспертов участвовали в общественной и политической активности [10, с. 89–92].

Объём выборки позволил провести количественный анализ полученных данных.

Массовый опрос населения проводился по специально созданной для каждого региона квотной выборке, учитывающей данные Федеральной службы государственной статистики и административно-территориальное деление отобранных регионов, а также пол, возраст, образование жителей. Массив данных прошёл специальную оценку валидности. Объём выборки массового опроса составил 6021 анкету с пороговым значением не менее 500 документов в каждом регионе [10].

Анкеты экспертного онлайн- и массового опросов имели пересекающиеся блоки, что позволило авторам провести вторичную концептуализацию данных, а именно: сконструировать новые переменные, задать критерии исследования и провести сопоставительный анализ.

В данной статье описание процессов организации коммуникативного пространства выстраивается на основе анализа данных экспертного онлайн-опроса. Результаты массового опроса используются для подтверждения либо опровержения некоторых выводов.

Каждый из 12 регионов, попавших в выборку, обладает определённым уровнем социокультурного развития – высоким, средним, ниже среднего и низким (адаптированная типология ЦИСИ ИФ РАН) [11]. Основная гипотеза исследования состоит в том, что характер оценки экспертами взаимодействия участников коммуникативного пространства в процессе разработки и принятия управленческих решений связан с уровнем развития региона.

Для концептуализации проблемного исследовательского поля авторы обратились к работам Э. А. Орловой, описывающей взаимодействие активных субъектов в процессе решения конкретных проблем как социокультурное пространство, обладающее особым потенциалом. Уровень последнего может зависеть от множества факторов и рассматривается как «результат концептуального совмещения институциональной и стратификационной точек зрения на организацию активности людей в обществе» [12, с. 109]. Речь идёт не просто

о размещении в физическом пространстве, а о концентрации людей в определенных зонах, различающихся между собой по формам организации совместной жизни и культурному потенциалу, распределённому по типу поселений с учётом характерных для них особенностей социокультурного пространства. В нашем случае к такому типу поселений можно отнести регионы с разным уровнем модернизации.

Э. А. Орлова подробно описывает все стадии организации конструктивного взаимодействия субъектов, которые раскрываются через «парадигму консолидации», «квази-конфликтную парадигму взаимодействия», «переговорную стадию взаимодействия» [13]. Схема партнёрской социальной коммуникации включает в себя множество этапов (в том числе консолидацию, конфликт и переговоры), каждый из которых в конечном итоге должен помочь в формировании работоспособной команды для оценки эффективности реализуемых управленческих решений.

При этом следует учитывать, что потенциальные участники таких групп не всегда готовы к взаимодействию: соответственно, их заинтересованность в участии может также подкрепляться субъективными факторами, такими как «вознаграждение» и «издержки». Последние, согласно теории Дж. Хоманса, в интерпретации американского социолога Гильермины Джассо [14], являются «основными регуляторами повторяемости совместной деятельности» (цит. по: [15, с. 174]) и могут оказывать друг на друга взаимное давление (см.: [15, с. 176]). Устойчивость социального обмена или, в нашем случае, эффективность коммуникативного пространства во многом зависит от ценности полученного вознаграждения, баланса выгоды и затрат, справедливого распределения ресурсов, выраженного в уровне ожидаемого результата или честном распределении вознаграждения.

Работая в рамках прогнозного социального проектирования, в основе которого лежит концепция социального участия, необходимо было выделить субъектов управления (акторов), участвующих в реализации управленческих решений. При этом характер их отношений в процессе организации коммуникативного пространства базируется на субъект-субъектном социально ориентированном управлении. К числу таких субъектов авторы отнесли региональные органы власти, органы местного самоуправления, бизнес-организации, общественные организации, инициативные научно-образовательные организации и население.

Взяв за основу описанные выше концепции и поставив перед собой задачу определить типы коммуникативных пространств, организованных между субъектами социального взаимодействия в ходе реализации национальных проектов, авторы статьи обратились к данным экспертного онлайн- и массового опросов.

Для оценки организации коммуникативного пространства в регионах России перед экспертами была сформулирована следующая задача: «Оцените характер отношений между различными региональными субъектами в ситуации реализации национальных проектов в вашем регионе».

Экспертам было предложено оценить 11 коммуникативных связей, разделённых на четыре группы в соответствии с субъектами управления: 1) взаимодействие региональных органов власти с органами местного самоуправления, с бизнес-организациями, с общественными организациями, с инициативными научно-образовательными коллективами, с населением; 2) взаимодействие органов местного самоуправления с бизнес-организациями, общественными организациями, населением; 3) взаимодействие бизнес-организаций с общественными организациями, с населением; 4) взаимодействие общественных организаций с населением.

Результаты исследования

Анализ имеющихся эмпирических материалов осуществлялся в два этапа.

На первом этапе производилось определение типов коммуникативного пространства в регионах. Анализ позволил структурировать экспертную оценку каждого из типов отношений, эквивалентного типу коммуникативного пространства. В таблице 1 представлена оценка характера отношений региональных органов власти и органов местного самоуправления в условиях реализации национальных проектов во всех 12 регионах РФ.

Таблица 1

Оценка экспертами характера отношений региональных органов власти и органов местного самоуправления в условиях реализации национальных проектов в зависимости от региона проживания, 2021 год, %

Отношения:	Регионы												Всего
	Московская область	Нижегородская область	Свердловская область	Республика Башкортостан	Республика Саха (Якутия)	Омская область	Белгородская область	Амурская область	Вологодская область	Брянская область	Смоленская область	Республика Капмыкия	
конструктивные, интересы согласованы полностью	15,7	20,0	16,0	23,1	14,6	36,0	56,9	34,0	23,5	41,2	28,0	21,2	27,6
нормальные, есть некоторые разногласия	47,1	58,0	58,0	59,6	58,3	52,0	35,3	56,0	58,8	54,8	56,0	50,0	53,6
плохие, существуют серьёзные разногласия	13,7	8,0	10,0	3,8	6,3	2,0	3,8	2,0	5,9	0,0	4,0	17,3	6,4
никак не выстроены	11,8	2,0	8,0	3,8	12,5	0,0	2,0	4,0	0,0	2,0	2,0	7,7	4,6
Затруднились ответить	11,7	12,0	8,0	9,7	8,3	10,0	2,0	4,0	11,8	2,0	10,0	3,8	7,8

В целом можно сказать, что в Нижегородской, Свердловской и Вологодской областях наблюдается похожий тип взаимодействия с региональной властью. Подавляющее большинство экспертов оценили отношения между региональной и местной властью как «нормальные». Самые «конструктивные» отношения наблюдаются в Белгородской области (56,9%), самые «деструктивные» – в Республике Калмыкия (17,3%).

На основе полученных данных было решено объединить типы коммуникаций в соответствии с субъектами управления и оценкой их взаимодействия в 12 регионах. В результате были получены 16 результирующих таблиц, отражающих отношения между различными субъектами по четырём типам оценок, а именно: *конструктивные, нормальные, деструктивные, неотстроенные*.

В качестве примера остановимся на первой группе коммуникаций, имевшей место между региональными органами власти и пятью перечисленными выше участниками социального взаимодействия (см. табл. 2). Самыми многочисленными и малопоказательными оказались отношения, именуемые «нормальными». В первую очередь речь идёт о взаимоотношении власти с бизнес-структурами, во вторую – с общественными организациями, в третью – с местным самоуправлением. В связи с этим решено было не указывать их в общей таблице ниже, чем и обусловлен тот факт, что суммарно данные на 100% не выводятся.

В ходе оценки реализации национальных проектов оказалось, что лучше всего выстроены отношения между органами власти двух уровней – регионального и местного. В большей степени конструктивные отношения по данному типу коммуникации наблюдаются в Белгородской области (56,9%), за ней со значительным отрывом следует Брянская область (41,2%) (см. табл. 2).

Отношения между властью и населением являются наиболее деструктивными, по мнению экспертов. Подобная ситуация встречается во всех 12 регионах, среди которых на первом месте оказалась Московская область – 45,1%, а на втором, с равными оценками, Свердловская и Амурская области – по 42% соответственно. Далее за ними следуют Республика Саха (Якутия) – 33,3%, Белгородская область – 32% и Республика Калмыкия – 30%. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, эксперты оценивали отношения между региональными органами власти и населением как негативные во всех регионах, независимо от уровня их социокультурного развития (см. табл. 2).

При этом следует отметить, что в высокоразвитых регионах эксперты в равной степени оценили наличие серьёзных разногласий между двумя типами взаимоотношений: 1) власть и бизнес, 2) власть и общественные организации – по 23,5% в Московской области, 18,4% и 18,8% в Нижегородской области, по 20% в Свердловской области.

По оценкам экспертов, менее всего выстроены отношения между региональными органами власти и населением – данный показатель составил 16,3%. Это предположение особенно справедливо для двух регионов с высоким уровнем развития: Нижегородская и Свердловская области – по 20% каждая, и двух

Таблица 2

Оценка экспертами отношений между региональными органами власти и прочими субъектами социального взаимодействия, 2021 год, %

Отношения:	Регионы												
	Московская область	Нижегородская область	Свердловская область	Республика Башкортостан	Республика Саха (Якутия)	Омская область	Белгородская область	Амурская область	Вологодская область	Брянская область	Смоленская область	Республика Калмыкия	Всего
<i>Конструктивные отношения</i>													
РОИВ + МСУ	15,7	20	16	23,1	14,6	36	56,9	34	23,5	41,2	28	21,2	27,5
РОИВ + Бизнес	5,9	14,3	12	3,8	10,4	4	5,9	10	4	14	12	5,9	8,5
РОИВ + Общ. организации	9,8	10,4	6	13,5	8,3	24	14	28	16	26	24	16	16,3
РОИВ + Наука	13,5	10	8,2	17,3	16,7	20	16	18	14	24	8	25,5	15,9
РОИВ + Население	3,9	2	0	5,9	10,4	0	4	12	2	10	4	4	4,9
<i>Деструктивные отношения</i>													
РОИВ + МСУ	13,7	8	10	3,8	6,3	2	3,9	2	5,9	0	4	17,3	6,4
РОИВ + Бизнес	23,5	18,4	20	21,2	22,9	12	25,5	16	16	18	18	27,5	19,9
РОИВ + Общ. организации	23,5	18,8	20	11,5	14,6	4	16	12	12	6	6	12	13,0
РОИВ + Наука	15,4	16	8,2	5,8	8,3	10	12	16	4	10	12	3,9	10,1
РОИВ + Население	45,1	26	42	27,5	33,3	16	32	42	16	18	28	30	29,7
<i>Неотстроенные отношения</i>													
РОИВ + МСУ	11,8	2	8	3,8	12,5	0	2	4	0	2	2	7,7	4,7
РОИВ + Бизнес	9,8	6,1	8	3,8	16,7	10	2	4	0	0	14	13,7	7,3
РОИВ + Общ. организации	3,9	6,3	10	5,8	12,5	6	8	6	4	4	8	10	7,0
РОИВ + Наука	21,2	8	12,2	5,8	10,4	8	10	4	12	4	30	11,8	11,5
РОИВ + Население	15,7	20	20	15,7	14,6	10	18	14	8	6	30	24	16,3

Примечание. РОИВ – региональные органы власти, МСУ – органы местного самоуправления, Наука – инициативные научно-образовательные коллективы.

регионов с низким уровнем социокультурного развития: Смоленская область и Республика Калмыкия – 30 и 24 % соответственно.

Чуть лучше обстоят дела между властью и инициативными научно-образовательными коллективами (11,5 %). Особенно этот тип взаимодействия отстаёт в Смоленской (30 %) и Московской (21,2 %) областях.

Есть регионы, у которых совсем не отстроены отношения между региональными органами власти и всеми региональными субъектами, по мнению экспертов. К их числу относится Республика Саха (Якутия), имеющая одинаково высокие негативные оценки по всем типам взаимодействия.

В результате есть основания сделать предварительные выводы о типах коммуникативного пространства, организованного между региональными органами власти и прочими субъектами управления в регионах, где проводилось исследование:

- в условиях реализации национальных проектов самыми конструктивными оказались отношения региональных властей с местным самоуправлением: наиболее высокие показатели зафиксированы в Белгородской и Брянской областях;
- самыми деструктивными, по мнению экспертов, оказались отношения региональных органов власти с населением. Подобный тип отношений характерен для всех регионов, независимо от уровня их социокультурного развития;
- если одна часть экспертов считает негативными отношения органов власти с населением, то другая убеждена в полном отсутствии каких-либо отношений между ними. Такой тип коммуникации также чаще других был выбран региональными экспертами как «неотстроенный». Об этом заявили эксперты пяти из двенадцати регионов, два из которых (Нижегородская и Свердловская области) являются высокоразвитыми по социокультурному параметру;
- наука как один из субъектов управления практически не имеет никаких связей с региональными органами власти и следует на втором после населения месте. Особенно такая ситуация характерна для Смоленской и Московской областей.

На втором этапе анализа данных исследования устанавливались сходства и различия коммуникативного пространства регионов с точки зрения конструктивно-деструктивного баланса. Для того, чтобы выделить типы коммуникативных связей между региональными органами власти и органами местного самоуправления, населением, бизнес-сообществами, общественными организациями и населением, экспертам было предложено оценить характер отношений между различными региональными субъектами в ситуации реализации национальных проектов. На этом этапе анализа было принято решение объединить имеющиеся варианты ответа «отношения конструктивные» и «отношения нормальные» в единую переменную – «отношения конструктивные», варианты ответа «плохие отношения» и «неотстроенные отношения» остались без изменения, вариант «затрудняюсь ответить» из анализа был исключён.

В результате анализа характера отношений между региональными органами власти и всеми другими участниками (актерами) коммуникации авторы пришли к следующему выводу: во всех 12 регионах РФ, где проводилось исследование, наиболее выстроенными оказались отношения между региональными

и местными органами власти. Далее на основании экспертных оценок были выделены пять типов организации коммуникативного пространства управления.

К первому типу (I) – *сбалансированному конструктивному* – отнесены регионы, в которых, по мнению экспертов, отношения региональных органов власти со всеми участниками социального взаимодействия носят конструктивный или скорее конструктивный характер. Данный тип коммуникации предполагает, что эксперты, оценивая взаимодействие региональных органов власти с другими субъектами, реже выбирали такие характеристики, как «деструктивные» и «неотстроенные». Наиболее ярким примером такого взаимодействия оказалась Вологодская область. На рисунке 1 видно, что региональные органы власти имеют сбалансированные отношения со всеми участниками. Аналогичное распределение было обнаружено в Брянской и Омской областях.

Второй тип (II) – *с элементами рассогласования* – свойственен тем случаям, когда взаимодействие всех участников в целом носит положительный характер (конструктивные или скорее конструктивные отношения), но при этом имеют место малоконструктивные отношения с населением, наукой или бизнесом (см. рис. 2). Данный тип коммуникации был обнаружен в Нижегородской, Белгородской, Амурской областях, а также в Республике Башкортостан.

Третий тип (III) – *несогласованный-разбалансированный-деструктивный* – проявляется при следующих условиях: 1) преобладание положительных оценок, наряду с которыми обнаруживается деструктивное взаимодействие между региональными органами власти и населением, а также постепенное снижение объёма прочих конструктивных взаимодействий (Республика Саха (Якутия)); 2) возрастание негативных отношений между региональными органами власти и населением (Московская и Свердловская области); 3) рост негативного взаимодействия с населением, научными и бизнес-сообществами, а также увеличение доли негативных или невыстроенных взаимодействий (Смоленская область и Республика Калмыкия) (см. рис. 3).

Далее на основании собранных экспертных данных, включающих в себя оценку характера взаимодействия региональных органов власти с прочими акторами социального взаимодействия (местное самоуправление, население, бизнес- и научное сообщество, общественные организации), анализ было решено дополнить описанием трёх полученных типов коммуникативного пространства (см. табл. 3). Гипотеза на этом этапе исследования заключалась в предположении о наличии связи между оценкой таких отношений и мнением экспертов относительно стиля управления, имеющего место в том или ином регионе, и согласия с ним.

В предпринятом анализе авторы связывают уровень эффективности реализации управленческих решений с оценкой, полученной от населения регионов (в том числе экспертов) в ответ на те или иные управленческие действия со стороны органов власти. Согласно данным таблицы 3, наблюдается следующая тенденция: в тех регионах, где в отношениях между региональной властью и другими участниками социального взаимодействия присутствуют деструктивные

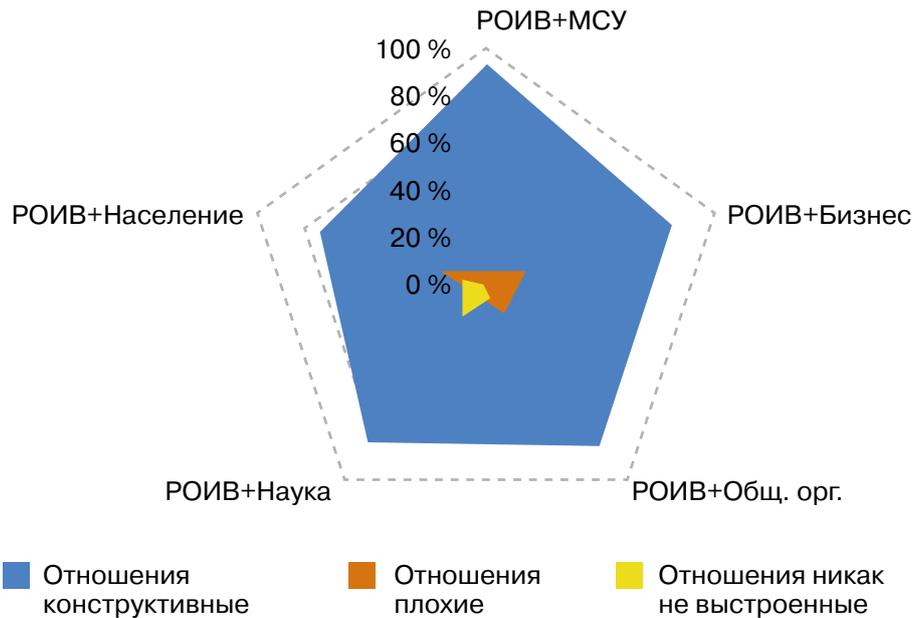

Рис. 1. Коммуникативное пространство первого типа, организованное между региональными органами власти и прочими акторами коммуникации в Вологодской области, 2021 год, %

Примечание. РОИВ – региональные органы власти, МСУ – органы местного самоуправления, Наука – инициативные научно-образовательные коллективы.

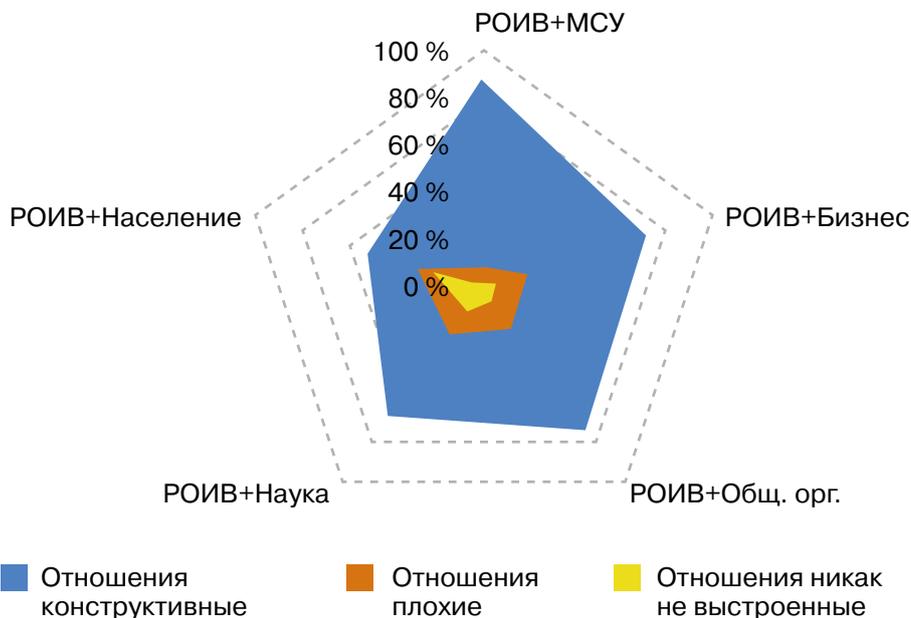

Рис. 2. Коммуникативное пространство второго типа, организованное между региональными органами власти и прочими акторами коммуникации в Нижегородской области, 2021 год, %

Примечание. РОИВ – региональные органы власти, МСУ – органы местного самоуправления, Наука – инициативные научно-образовательные коллективы.

элементы, снижается уровень эффективности реализации управленческих решений. В регионах, в которых организовано коммуникативное пространство третьего типа, преобладает клановый (реже – авторитарный) тип управления, который негативно оценивается экспертами, считающими их работу по решению жизненно важных для региона проблем скорее удовлетворительной, нежели хорошей или отличной. При этом наихудшие гражданские и экспертные оценки деятельности региональных органов власти были обнаружены в регионах с самым высоким и самым низким уровнем социокультурной модернизации, имеющих несогласованный-разбалансированный-деструктивный тип организации коммуникативного пространства. Данные таблицы 3 подтверждают полученные ранее результаты в части влияния на организацию коммуникативного пространства управления регионом оценки населения деятельности региональных органов власти по решению наиболее острых социальных проблем [16].

Для более глубокого анализа авторы решили выяснить, оказывает ли влияние на тип организации коммуникативного пространства уровень социокультурного развития регионов. Данные таблицы 4 демонстрируют отсутствие такого вида связи. При этом экспертная оценка отношений между региональными органами власти и населением подтверждает выделенные типы коммуникативного взаимодействия. Из чего следует вывод о том, что характер отношений между двумя этими субъектами может дать предварительный прогноз оценки взаимодействия остальных субъектов.

В качестве фактора, способствующего конструктивному построению коммуникативного пространства, было использовано понятие включённости или

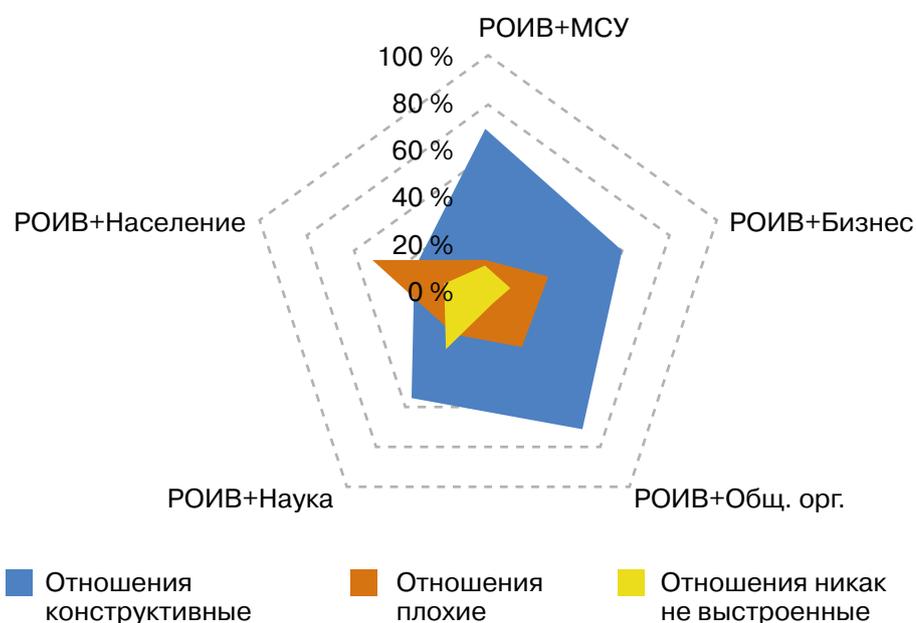

Рис. 3. Коммуникативное пространство третьего типа, организованное между региональными органами власти и прочими акторами коммуникации в Московской области, 2021 год, %

Примечание. РОИВ – региональные органы власти, МСУ – органы местного самоуправления, Наука – инициативные научно-образовательные коллективы.

Таблица 3

Стиль управления, согласие со стилем управления, деятельность региональных органов власти в оценках экспертов и населения регионов с различным типом коммуникативной организации управления, 2020–2021 гг.

Регион	Оценки экспертов			Деятельность региональных органов власти, средние значения **	
	Тип ОКП	Стиль управления, %*	Согласие со стилем управления, %	эксперты	население
Омская область	I	Коллегиальный – 30 Клановый – 18	24	3,6	3,5
Брянская область	I	Демократический – 22 Коллегиальный – 20	46	4,2	3,8
Вологодская область	I	Клановый – 24 Коллегиальный – 22	16	3,8	3,4
Белгородская область	II	Клановый – 45 Авторитарный – 27	16	3,4	3,7
Нижегородская область	II	Клановый – 26 Коллегиальный – 24	20	3,7	4,0
Республика Башкортостан	II	Авторитарный – 38 Клановый – 13	29	3,9	3,9
Амурская область	II	Коллегиальный – 36 Авторитарный – 22	28	3,5	3,8
Республика Саха (Якутия)	II	Клановый – 42 Коллегиальный – 16	16	3,6	4,0
Московская область	III	Клановый – 35 Авторитарный – 23	10	2,8	3,5
Свердловская область	III	Коллегиальный – 24 Демократический – 22	18	3,3	3,4
Смоленская область	III	Авторитарный – 30 Клановый – 24	10	3,1	3,4
Республика Калмыкия	III	Клановый – 44 Авторитарный – 23	4	2,6	3,2

Примечание. ОКП – организация коммуникативного пространства.

* Приведены данные первых двух показателей, которые получили наибольшее количество ответов.

** Приведены средние значения данных, полученных в ходе массового и экспертного опросов.

готовности населения принять участие в разработке или реализации проектов и программ, имеющих значительный социальный эффект [17]. Подобное взаимодействие с учётом ряда социально-демографических и социокультурных показателей указывает на формирование субъектности социальных групп [18]. Оказалось, что готовность экспертов и населения принять непосредственное участие в разработке стратегических документов не оказывает прямого

Таблица 4

Стиль управления, конструктивность отношений РОИВ и населения, готовность к участию в НП в оценках экспертов и населения регионов с различным типом ОКП и уровнем социокультурной модернизации, 2020–2021 гг.

Регион	Уровень социо-культурной модернизации*	Тип ОКП по оценке экспертов	Стиль управления, оценка экспертов, %	Конструктивность отношений РОИВ+ население, оценка экспертов, %	Готовность принять участие в НП, %**	
					эксперты	население
Омская область	2	I	Коллегиальный – 30 Клановый – 18	74	76	12
Брянская область	4	I	Демократический – 22 Коллегиальный – 20	74	81	36
Вологодская область	3	I	Клановый – 24 Коллегиальный – 22	72	81	21
Белгородская область	3	II	Клановый – 45 Авторитарный – 27	48	94	39
Нижегородская область	1	II	Клановый – 26 Коллегиальный – 24	50	77	29
Республика Башкортостан	2	II	Авторитарный – 38 Клановый – 13	53	64	39
Амурская область	3	II	Коллегиальный – 36 Авторитарный – 22	47	85	27
Республика Саха (Якутия)	2	II	Клановый – 42 Коллегиальный – 16	43	79	26
Московская область	1	III	Клановый – 35 Авторитарный – 23	33	75	47
Свердловская область	1	III	Коллегиальный – 24 Демократический – 22	33	87	31
Смоленская область	4	III	Авторитарный – 30 Клановый – 24	36	70	28
Республика Калмыкия	4	III	Клановый – 44 Авторитарный – 23	41	81	38

* Приведены данные по версии ЦИСИ ИФ РАН.

** Приведены процентные значения для тех респондентов, кто «скорее не согласен» и «не согласен» принять участие в разработке стратегических документов и программ. НП – национальные проекты.

воздействия на характер организации коммуникативного пространства. При этом региональная система управления, в том числе стиль управления, является одним из ключевых показателей, определяющих характер взаимоотношений субъектов социального взаимодействия [19].

Участники реализации национальных проектов, названные субъектами социального взаимодействия, по своей сути являются разноуровневыми агентами (в терминологии П. Бурдьё). Каждый из них обладает определённым набором капиталов, способным оказывать влияние на структуру коммуникативного пространства, его функциональность, а также на место и роль в этом пространстве самого актора. В социологической науке принято выделять четыре вида капитала: экономический, культурный, социальный и символический [20]. По этой же аналогии коммуникативное пространство, объясняющее характер взаимодействия субъектов социального взаимодействия с региональными органами власти, было разделено авторами на три уровня в соответствии со статусными характеристиками субъектов (см. рис. 4).

Региональные органы власти и местное самоуправление – субъекты, наделённые властью, поэтому они относятся к первому уровню. На втором уровне – представители бизнеса, науки и общественных организаций, то есть субъекты, обладающие ресурсами, в том числе человеческими, финансовыми, культурными. На третьем базовом уровне находится население как конечный получатель социальных благ и эффектов.

Наиболее конструктивными оказались отношения между субъектами первого и второго уровней, подобная тенденция отмечалась во всех 12 регионах.

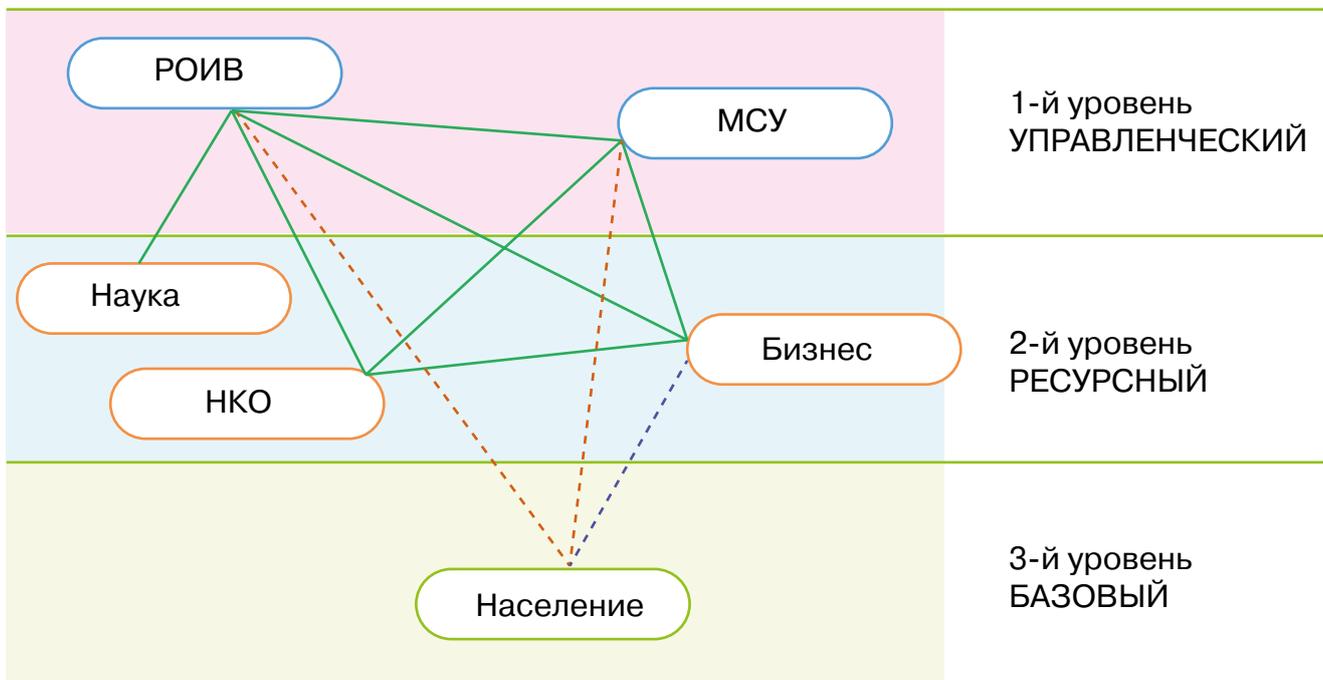

Рис. 4. Характер взаимодействия участников на трёх уровнях коммуникативного пространства

Анализ экспертных данных показал, что в 10 из 12 регионов существуют конструктивные отношения между бизнесом и населением – субъектами второго и третьего уровней. В Московской области эксперты в равной степени оценили такие отношения как конструктивные и плохие, а в Калмыкии – как конструктивные и неотстроенные.

Что касается взаимодействия субъектов первого и третьего уровней, отношения региональных властей с населением оцениваются как конструктивные в подавляющем большинстве регионов. В Московской и Нижегородской областях эксперты оценили характер отношений региональных органов власти с населением как плохой, в Амурской – как неотстроенный. Отношения с местными органами самоуправления эксперты Смоленской области сочли в равной степени конструктивными и плохими.

Диагностическая карта коммуникативного пространства регионов.

На основании полученных данных (см. табл. 2) о характере типов коммуникаций, имеющих место в 12 регионах в условиях разработки и реализации государственных стратегических программ, попытаемся построить диагностическую карту коммуникативного пространства регионов.

Для решения этой задачи необходимо было прописать формальные критерии типологизации взаимоотношений между региональными субъектами управления по характеру их оценки региональными экспертами.

В результате анализа были сформулированы 4 типа критериев экспертной оценки отношений субъектов управления:

- согласованные,
- частично согласованные,
- с элементами рассогласования,
- рассогласованные.

В процессе работы авторов с эмпирическими данными было введено правило, на основании которого отношения между субъектами управления в отдельных регионах были отнесены к обозначенным типам.

Согласованными считались такие отношения, которые оценивались экспертами как «конструктивные» и «нормальные» в региональных подвыборках значительно чаще, чем в общей выборочной совокупности, а оценки отношений как «плохие» и «невыстроенные» были минимальны. То есть в тех случаях, когда экспертами отдельного региона отношения между субъектами управленческого взаимодействия характеризовались значительно лучше, чем в общей выборочной совокупности.

Для детального анализа обратимся к таблице 1. Так, например, в Амурской области отношения между региональной властью и органами местного самоуправления являются одновременно и конструктивными (34,0%), и нормальными (56,0%) – значения оценок выше значений в общем массиве – 27,6 и 53,6% соответственно. Теперь обратимся к различиям между показателями в региональной подвыборке и в основном массиве: в первом случае разница составляет 6,4%, во втором – 2,6%. Соответственно, принимая во внимание эту разницу,

можно сделать вывод о том, что в Амурской области отношения региональных органов власти с местным самоуправлением являются более согласованными. Та же ситуация характерна для Белгородской и Брянской областей.

Отношения частично согласованные характерны для случаев, когда наблюдается преобладание доли экспертных оценок взаимодействия субъектов управления как «нормального», но при этом присутствуют также оценки как «конструктивного», а доля оценок как «плохого» и «не выстроенного» не превышает средних показателей по выборочной совокупности.

Следует принять во внимание следующий факт: если в каком-то регионе доля экспертов, оценивших отношения как «плохие» или как «неотстроенные», выше, чем в выборочной совокупности в целом, то регион не может быть отнесён к данному типу взаимодействия.

В ситуациях, когда значения оценок всех типов отношений достаточно низкие, необходимо снова обратиться к оценке разницы значений. Например, оценки отношений в Вологодской области между региональными органами власти и общественными организациями оказались низкими, но разница между оценками «конструктивных» и «нормальных» отношений в региональной подвыборке и основном массиве показала, что в данном случае эти отношения в большей степени оценивались экспертами как «нормальные».

Отношения с элементами рассогласования характерны для ситуаций, когда экспертные оценки по одному из показателей «плохие» или «не выстроены» в региональном массиве выше в сравнении со значениями этих оценок в основном массиве. Данный критерий соблюдался независимо от доли выставленных экспертами оценок отношений как «конструктивных» или «нормальных». В качестве примера можно привести Нижегородскую область, у которой, несмотря на преобладание «нормального» типа отношений между региональными органами власти и местным самоуправлением, экспертная оценка «плохих» отношений оказалась выше в региональной подвыборке по сравнению с общим массивом данных.

Отношения рассогласованные характерны для ситуаций, когда наблюдаются повышенные доли экспертных оценок «плохие» и «не выстроены» в региональной подвыборке в сравнении с общим массивом данных. Этот критерий должен соблюдаться независимо от доли выставленных экспертами значений для оценки отношений как «конструктивных» или «нормальных». Критерий можно отследить на примере Московской области, у которой экспертная оценка и «плохих», и «невыстроенных» отношений в региональной подвыборке оказалась выше порогового значения в выборочной совокупности в целом.

Выделение полученных критериев для типологизации регионов позволило нам построить *диагностическую карту коммуникативного пространства* (см. табл. 5), согласно которой, в условиях разработки и реализации государственных стратегических программ, самые лучшие типы коммуникаций оказались выстроены между субъектами управления в Вологодской и Брянской областях. Самые сложные отношения наблюдаются в Московской области, Республике Калмыкия и Свердловской области.

В таблице 5, представленной ниже, регионы расположены в соответствии с уровнями социокультурной модернизации, которыми они обладали на момент проведения исследования в 2019–2022 гг. Соответственно, представлены четыре группы регионов с разным уровнем развития.

Таблица 5

Диагностическая карта коммуникативного пространства регионов

Субъекты	Регионы												
	Московская область	Нижегородская область	Свердловская область	Республика Башкортостан	Республика Саха (Якутия)	Омская область	Белгородская область	Амурская область	Вологодская область	Брянская область	Смоленская область	Республика Калмыкия	
РОИВ + МСУ	4	3	4	2	3	1	1	1	2	1	2	4	
РОИВ + Бизнес	4	1	4	3	4	3	3	2	2	1	3	4	
РОИВ + Общ. организации	3	3	4	2	4	1	4	1	2	1	3	3	
РОИВ + Наука	4	3	3	2	1	1	3	3	3	1	4	3	
РОИВ + Население	3	3	4	2	3	2	4	3	2	2	3	4	

Примечание. Регионы выделены в соответствии с группами социокультурной модернизации: высокий (салатовый), средний (серо-голубой), ниже среднего (песочный) и низкий (светло-оранжевый); зелёным цветом выделены отношения согласованные, жёлтым – отношения частично согласованные, оранжевым – отношения с элементами разногласиями, красным – отношения рассогласованные.

Выводы

В результате вторичной концептуализации данных массового и экспертного опросов удалось выделить типы организации коммуникативного пространства управления в условиях реализации национальных проектов в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации. Характер отношений, выстраиваемый между различными субъектами социального взаимодействия в условиях разработки и реализации стратегических программ и документов, имеет определённые особенности, обнаружение которых позволяет сделать вывод о сходствах и различиях подобных отношений. Такие параметры, как оценка действующего стиля управления регионов, согласие или несогласие с ним, готовность жителей принять участие в разработке и реализации программ стратегического значения, эффективное решение социальных проблем со стороны региональных органов власти, связаны непосредственно с организацией диалога заинтересованных субъектов при реализации управленческих решений.

Выводы, полученные в результате анализа, позволяют утверждать, что в тех регионах, где проводилось исследование, самые крепкие конструктивные отношения выстроены на управленческом уровне, а именно: между региональной властью и местным самоуправлением. Отношения с населением,

находящимся на базовом социальном уровне, являются наиболее рассогласованными. Полученные данные указывают на то, что именно отношения региональных органов власти и населения являются наиболее показательными и в некоторой мере прогностическими. Они во многом обуславливают не только тип организации коммуникативного пространства, но также являются ключевым фактором, определяющим уровень и качество отношений между другими субъектами социального взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 145–152.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: перевод с немецкого / Ю. Хаберманс ; под ред. Д. В. Скляднева. Санкт-Петербург : Наука, 2006. 379 с. ISBN 5-02-026926-3. EDN **QWNVPR**.
3. Публичная сфера: теория, методология, кейс стадии / О. Е. Вербилович, О. Ю. Малинова, А. В. Семенов [и др.]. М. : Центр социальной политики и гендерных исследований, 2013. 356 с. EDN **SCVADP**.
4. Парк Р. Экология человека // *Теоретическая социология: Антология: В 2 ч.* / Р. Парк ; пер. с англ., фр., нем., ит. ; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. 424 с.
5. Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития : материалы всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзевских чтений (Москва, 21–22 ноября 2013 года). М. : Институт социологии РАН, 2014. 547 с. ISBN 978-5-89697-241-9. EDN **STNHYD**.
6. Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. М. : КРАСАНД, 2015. 480 с. ISBN 978-5-396-00644-7. EDN **UJTTVV**.
7. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // *Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн.* / Отв. ред. Т. М. Дридзе. М. : ИС РАН, 2000. Кн. 1. С. 5–42.
8. Адамьянц Т. З. Социальная коммуникация: учеб. пособие. М. : ИС РАН, 2005. 158 с. ISBN 5-89697-099-4. EDN **QOEP0V**.
9. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / Н. Б. Барбаш, М. С. Бернштам, В. С. Библер [и др.]. М. : Наука, 1994. 304 с. ISBN 5-02-007973-1. EDN **YLMLFZ**.
10. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования [монография] / А. В. Тихонов [и др.] ; отв. ред. А. В. Тихонов, А. А. Мерзляков. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с. ISBN 978-5-89697-380-5. EDN **YNARHI**.
11. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, И. И. Бойко [и др.] ; под ред. Н. И. Лапина. М. : Весь Мир, 2016. 360 с. ISBN 978-5-7777-0664-5. EDN **YRJCSJX**.
12. Орлова Э. А. Концепция социокультурного пространства: познавательные возможности // *Личность. Культура. Общество*. 2007. Т. 9, № 3 (37). С. 96–112. EDN **IJLIRL**.
13. Орлова Э. А. Организация экспертизы социальной эффективности инновационных проектов // *Культура культуры*. 2015. № 4 (8). С. 1. EDN **UIUCPJ**.
14. Jasso G. A New Theory of Distributive Justice // *American Sociological Review*. 1980. Vol. 45 (1). P. 3–32.

15. Брикет Д. Н. Типы справедливости в договорных отношениях // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 1 (33). С. 172–184. DOI [10.19181/snsp.2021.9.1.7880](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7880). EDN [QRNMIC](https://edn.ru/QRNMIC).
16. Гусейнова К. Э. Социальное пространство регионов как фактор регулирования социальных неравенств: качественный и количественный подход // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 34–50. DOI [10.17213/2075-2067-2023-6-34-50](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-34-50). EDN [BWUMNH](https://edn.ru/BWUMNH).
17. Шилова В. А., Гусейнова К. Э. Включенность населения в социальное пространство управления регионов как фактор территориального неравенства // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 6. С. 84–98. DOI [10.22394/2304-3369-2023-6-84-98](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-6-84-98). EDN [XWRNRQ](https://edn.ru/XWRNRQ).
18. Мерзляков А. А., Богданов В. С. Об исследовании социолого-управленческих аспектов регулирования социальных неравенств в регионах России // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 4. С. 130–143. DOI [10.19181/vis.2022.13.4.853](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.853). EDN [ATAAJY](https://edn.ru/ATAAJY).
19. Шилова В. А. Ключевые подходы к выявлению и применению критериев оценки территориальных и социально-территориальных неравенств в региональном разрезе // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4. С. 96–112. DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9285](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9285). EDN [TUPBBS](https://edn.ru/TUPBBS).
20. Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые ; пер. с фр. сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : SocioLogos, 1993. 336 с. ISBN 5-86709-005-1.

Сведения об авторах

К. Э. Гусейнова

научный сотрудник
SPIN-код: [3727-0011](https://edn.ru/3727-0011)

В. А. Шилова

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [8158-6002](https://edn.ru/8158-6002)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 07.07.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 20.10.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.2

TYPES OF ORGANIZATION OF COMMUNICATIVE MANAGEMENT SPACE IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS: REGIONAL CROSS-SECTION

Ksenia Eldarovna Guseynova¹
Valentina Aleksandrovna Shilova²

^{1,2} Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

¹ likseidar@mail.ru,

ORCID [0000-0002-7957-7317](https://orcid.org/0000-0002-7957-7317)

² vshilova@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-8899-2707](https://orcid.org/0000-0002-8899-2707)

For citation: Guseynova K. E., Shilova V. A. Types of organization of communicative management space in the context of the implementation of national projects: regional cross-section. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(4):23–45. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.4.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.4.2).

Abstract. This article continues a series of studies on the organization of communicative space in the management of regions. The effectiveness of the implementation of certain management decisions may depend on many factors, including a qualitatively built dialogue between interested parties of social management representing the interests of various categories of citizens. The article presents the results of a search study on the identification of types of the communicative management space' organization in the context of the implementation of national projects in regions with different levels of socio-cultural modernization. The main task was to determine the levels of constructive (balanced) and destructive (inconsistent) interaction between the subjects of three levels – managerial, resource and basic. With the help of secondary conceptualization of data from a mass survey of the population and mass expert surveys conducted in 12 regions of Russian Federation, it was possible to identify typical signs of organized communication between particular subjects in each of the studied areas by analyzing the opinion of experts. The validity of this group of respondents is confirmed by the presence of experience in management practice, education and professional competence. The authors studied the relations between the subjects of management (regional authorities, local self-government, business communities, public organizations, scientific organizations and the population) in each region. There were constructed the types of the communicative management space' organization of the region by assessing the similarities and differences of communication connections: 1) balanced constructive, 2) with elements of mismatch, 3) inconsistent (unbalanced, destructive). During the analysis, it was revealed that assessment of the interaction of management subjects is related to the assessment of the management style in the region, the agreement with the managerial style of the regional authorities among representatives of the expert community is associated with an assessment of the nature of the constructiveness of relations between regional authorities and the population.

Keywords: regional management, communicative management space, regional similarities and differences, national projects

REFERENCES

1. Dridze T. M. Social communication as a textual activity in semiosociopsychology [Social'naya kommunikaciya kak tekstovaya deyatel'nost' v semiosociopsixologii]. *Social sciences and modernity=Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 1996;(3):145–152. (In Russ.).
2. Habermas Ju. Moral consciousness and communicative action: translation from German. D. V. Skljadnev ed. Sankt-Peterburg: Nauka; 2006. 379 p. (In Russ.).
3. Verbilovich O. E., Malinova O. Ju., Semenov A. V. [et al.]. Public sphere: theory, methodology, case study. Moscow: Centr social'noj politiki i gendernyh issledovanij; 2013. 356 p. (In Russ.).
4. Park R. Human ecology. Theoretical Sociology: An Anthology Part 1. S. P. Ban'kovskaja ed. Moscow: Knizhnyj dom Universitet; 2002. 424 p. (In Russ.).
5. Modernization of the domestic management system: trend analysis and development forecast: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference and XII–XIII Tamara Dridze Readings (Moscow, November 21–22, 2013). Moscow: Institut sociologii RAN; 2014. 547 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-241-9.
6. Tikhonov A. V. ed. Sociology of management: Theoretical and applied dictionary. Moscow: KRASAND; 2015. 480 p. (In Russ.).
7. Dridze T. M. Two new paradigms for social cognition and social practice [Dve novy'e paradigmy' dlya social'nogo poznaniya i social'noj praktiki]. In: Social communication and social management in eco-anthropocentric and semiosociopsychological paradigms. In 2 books. Moscow: Institut sociologii RAN; 2000. P. 5–42. (In Russ.).
8. Adam'yants T. Z. Social communications: textbook for academic undergraduate studies. Moscow: Institut sociologii RAN; 2018. 200 p. (In Russ.).
9. Barbash N. B., Bernshtam M. S., Bibler V. S. [et al.]. Predictive social design: theoretical, methodological and methodological problems [Prognoznoe social'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy]. Moscow: Nauka; 1994. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-02-007973-1.
10. Tikhonov A. V. ed. Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of the regions. Moscow: FCTAS RAS; 2017. 432 p. (In Russ.).
11. Lapin. N. I. ed. Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems. Moscow: Ves' Mir; 2016. 360 p. (In Russ.).
12. Orlova E. A. The concept of sociocultural space: cognitive capabilities [Konceptiya sociokul'turnogo prostranstva: poznavatel'ny'e vozmozhnosti]. *Personality. Culture. Society=Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo*. 2007;9(3):96–112. (In Russ.).
13. Orlova E. A. Organization of expert examination of social efficiency of innovative projects. *Culture of culture=Kul'tura kul'tury*. 2015;4(8):1. (In Russ.).
14. Jasso G. A New Theory of Distributive Justice. *American Sociological Review*. 1980;45(1):3–32.
15. Briket D. N. Types of justice in contractual relationships. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2021;9(1):172–185. DOI [10.19181/snsp.2021.9.1.7880](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7880). (In Russ.).
16. Guseynova K. E. The social space of the regions as a factor in regulating social inequalities: qualitative and quantitative approach. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences=Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki*. 2023;16(6):34–50. DOI [10.17213/2075-2067-2023-6-34-50](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-34-50). (In Russ.).

17. Shilova V. A., Guseynova K. E. Population involvement in the social space of regional governance as a factor of territorial inequality. *Management Issues=Voprosy upravlenija*. 2023;17(6):84–98. DOI [10.22394/2304-3369-2023-6-84-98](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-6-84-98). (In Russ.).
18. Merzlykov A. A., Bogdanov V. S. On the study of sociological and managerial aspects of the regulation of social inequalities in the regions of Russia. *Vestnik instituta sotziologii= Vestnik Instituta sociologi*. 2022;13(4):130–143. DOI [10.19181/vis.2022.13.4.853](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.853). (In Russ.).
19. Shilova V. A. Key approaches to identifying and applying criteria for assessing territorial and socio-territorial inequalities in the regional context. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2022;10(4):96–112. DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9285](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9285). (In Russ.).
20. Burd'e P. Sociology of politics [Sociologiya politiki]. Moscow: SocioLogos; 1993. 336 p. (In Russ.).

Information about the Authors

K. E. Guseynova

Researcher

V. A. Shilova

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [KCJ-7695-2024](https://orcid.org/0009-0001-7695-2024)

The authors declare no conflicts of interests.

The authors contributed equally to this article.

The article was submitted 07.07.2024; approved after reviewing 11.09.2024; accepted for publication 20.10.2024.